

УДК 82.0 (470. 621)

ББК 83.3 (2=АДН)

X 25

И.Н. Хаткова

Пейзаж как структурообразующее начало повествования в художественных произведениях Султана Хан-Гирея

Аннотация:

В статье исследуется своеобразие пейзажа в художественных произведениях адыгского писателя-просветителя XIX века Султана Хан-Гирея. Картины природы создают колоритную обстановку, становятся отражением авторского начала, эмоциональным подтекстом произведения, подчеркивают напряженность действия и его символическую выразительность, а также используются как средство психологической характеристики героев.

Ключевые слова:

Пейзаж, структурообразующее начало, субъективизация природы, система образов, особенности стиля, антропоморфизация явлений природы, образ-ландшафт, психологический параллелизм, эстетика романтизма, романтический контраст, национальное сознание, эмоциональный подтекст, символическая выразительность, горный пейзаж, пейзаж-предварение, средства выразительности, эпитеты, метафоры.

Интерес к пейзажу как структурообразующему началу повествования вполне объясним, ведь именно этот элемент поэтики позволяет анализировать литературное произведение в качестве составной части художественной системы автора. Пейзаж – одна из наиболее подходящих для морфологического описания категорий, в которой виднее неотъемлемые и специфические черты каждого писателя. (2; 214) Особенной является роль описаний природы в романтических произведениях.

Романтизм характеризуется субъективизацией природы, точнее, индивидуальным отношением к предметам природы, к пейзажу, проекцией настроения писателя на природу и, наоборот, отождествлением чувствующего субъекта с природой, одушевлением природы собственными эмоциями писателя, страстностью отношения человека к природе. (3; 38)

В литературоведении неоднократно отмечалось, что субъективная интерпретация природы находит у романтиков широкое применение: «Описание редко употребляется само по себе; моральные эпитеты фигурируют в излишестве; страсть захлестывает все; принято не говорить ни об одном неодушевленном предмете без того, чтобы не связать его с нашими личными, отрадными или грустными чувствами; вот самые очевидные примеры этого поэтического темперамента. Эту природу всегда любят; и тогда, когда сердце заново переживает пережитые прежде радости или горести, опьянение торжеством юной любви или беспощадную горечь первых обид... или же страсть, выливаясь из человека на вещи, придает им душу и видимость, будто природа понимает, любит, страдает и мечтает, как человек и вместе с человеком». (7; 213) Таким образом, можно сказать, что романтизм характеризуется ощущением единства человека и природы.

Пейзаж обычно включается в общую систему образов произведения, занимая в ней специфическое для данного стиля место и характеризуясь специфическими для данного стиля особенностями.

Художественное произведение, как правило, содержит группу пейзажных описаний, которые выстраиваются в образный ряд. Отдельные части такого ряда могут быть статичными – передавать природу в застывшем состоянии (как в технике фотографии) или динамичными – изображать природу в процессе масштабных и мельчайших изменений.

Пейзаж может изображать «самостоятельную» природу или быть функциональным, может воспроизводить или преображать природу, выражать идеи или быть важным по своим художественным качествам, содействовать воспитанию нравственных, эстетических качеств, религиозных, политических и прочих предпочтений.

Специфической чертой эстетики романтизма является антропоморфизация явлений природы, приписывание природе в целом – и как космосу, и как пейзажу, и как единичной детали пейзажа – чувств, характерных для человеческой души.

С одной стороны, в произведениях романтиков преобладает образ-ландшафт, что проявляется, в частности, в поисках живописности. С другой – в них господствует состояние души, и сотканная из элементов пейзажа картина является проекцией этого душевного состояния. Таким образом, наблюдается психологическая параллель – соответствие состояния человека и природы. Ровный психологический настрой передается картиной солнечного дня, жажда обновления – картиной утра, психологический кризис – картиной грозы. Спокойный ровный пейзаж является намеком на широту интересов и возможностей, склонность к созерцательности; горный пейзаж, особенно возникающий в воспоминаниях и во сне, свидетельствует о порывистости, непредсказуемости поведения, склонности к крайним решениям. Психологической параллелью к личности человека могут быть не только картины природы, но и отдельные природные образы, скрытый психологический смысл которых нередко связан с их мифологическим, историческим значением.

Романтики обычно рисуют пейзаж преображенной природы, создавая природные картины на основе романтического контраста: идеальное в них преобладает над реальным, возвышенное над обыденным, поэтическое над прозаическим. Это яркая, экзотическая, необычная природа, исполненная стихийной силы, выступающая как таинственное, одухотворенное существо. Линии, формы, краски в романтической картине природы вызывают у зрителя ярко эмоциональное впечатление: восторг, страх. Одним из воплощений романтического пейзажа является бурный пейзаж: в нем преобладают звуковые образы (шумы стихии), изображается черная мгла, сумрак, бушующий ветер, скалы или бездна моря, дремучий лес; все вместе это создает картину крушения опор, оснований материального мира; соответствует категории ужасного и возвышенного. Романтический пейзаж может быть красочным, изысканно нарядным, экзотическим, с выраженным музыкальным началом. Он создает выразительный эмоциональный фон.

Изображение окружающего пространства связывается в произведениях с представлениями о важнейших элементах национального сознания и национального уклада жизни. Первое, очевидное, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. По мысли Гачева Г.Д., «здесь коренится и образный арсенал литературы, обычно очень стабильный: например, роль гор как мировых координат в искусстве народов Кавказа...» (1; 47) С горным пейзажем связано не только описание гор, но и описание пространства вокруг гор: неба, растительности, местности, окружающей горы, человеческого жилья. Горный пейзаж любим, прежде всего, романтиками, которые видели в горах воплощение тайны, величия и свободы.

Блестящим примером может служить творчество известного адыгского писателя-просветителя Султана Хан-Гирея (1808-1841), в художественных произведениях которого пейзаж является структурообразующим началом повествования. Лирический пейзаж становится отражением авторского начала, эмоциональным подтекстом произведения, подчеркивает напряженность действия и его символическую выразительность.

Хан-Гирея отличает великолепное и мастерское использование слова в создании пейзажных зарисовок, тщательно продуманное размещение описаний природы в структуре произведений.

Картины природы в «Черкесских преданиях» Хан-Гирея предназначены для создания колоритной обстановки, в которой словно эхом отзываются необычные страсти и поступки героев, неожиданные события. Писатель проявляет себя как истинный художник и мастер слова: пейзаж поражает своей живостью и яркостью. Природа не является мертвой материальной массой. Она выражение духовной жизни, отражение идеала, составляющего предмет мечтаний автора.

Как и в романтической поэзии природы, в повести Хан-Гирея большую роль играет восхваление красоты родной земли: «Взгляните на прекрасные долины, где начал я мой рассказ. Какая прелестная картина представляется там взору!» (6; 135)

Пейзаж отличается сочностью колорита, достоверностью деталей. Природа определяет и цветовую

гамму, цветовые эпитеты, придающие красочность и эффектность всей зрительной картине: «Светлый купол раскинут, как пурпуровый шатер, а под ним пышно цветет роскошная земля. Ни один богач не может создать ценою золота такого восхитительного зрелища, какое здесь создало Провидение для каждого смертного. Долины, холмы и горы облиты волнистою зеленью, цветы, как пена на море, пестрятся жемчужными купами, леса одеты свежими листьями, плодовые деревья, облитые пурпуровым дождем цветов, наполняют воздух и орошают равнины благотворными струями, пение птичек небесной гармонией услаждает слух! Не земля – рай! Здесь все дышит жизнью и радостью». (6; 135)

Тяготение Хан-Гирея к живописной манере явно сказывается на сочетании цветов, контрастировании света и теней, причем обычно у него нет полутонов: «Настанет ночь, и над роскошной землей загорится небо тысячами таинственных огней, и с бриллиантовыми лучами звезд полетит на дольний мир живительная роса серебристой влагой. День заменит ночь – и золотые искры южного солнца сушат следы благотворного увлажнения, пьют росу, снова все блестит, снова все горит! Вешний день торжество природы». (6; 135) Картина восхитительного рассвета представлена поэтическими метафорами: «таинственные огни», «живительная роса», «серебристая влага» и т.д. Наблюдая столь яркую картину возникновения первых солнечных лучей, читатель познает природу, сливается с ней, участвует в вечном движении Вселенной.

Особенностью природы у Хан-Гирея является ее «духовность», ее соотнесенность с судьбой и участью человека, например, описание свадьбы Джембулата и княжны сопровождается такой пейзажной зарисовкой: «День был прекрасный, ... светлое небо юга не омрачилось ни одной тучей темных облаков, небо, казалось, разделяло радость жанинцев». (6; 138) А ночь, в которую было совершено предательское убийство главного героя, дается в мрачных тонах: «Ночь была темна, как совесть преступника; дождь шел проливной; молния изредка страшно блестела; унылый вой ветра и перекаты грома довершали мрачную картину тревоги природы, которая согласовалась с мрачными мыслями и тревожными чувствами убийцы...». (6; 144)

Природа не только фон, но и действующее лицо, влияющее на судьбы героев. В произведении сопоставляется состояние природы и душа человека. Пейзаж отличается буйством природы, потому что только буря и родственные ей явления способны служить достаточным эквивалентом душевных волнений персонажа. Как среди безмолвной тишины ночи могут родиться молнии, и гром может раздробить корабль, надевшийся достичь спокойной пристани, так и в успокоившемся после шумных волнений торжественной тризны ауле рождались и созревали коварные замыслы. Создается ощущение неотвратимости чего-то трагического. Ночное свидание, когда Джембулат и княжна расстаются, происходит при непогоде, сверкает молния, грохочет гром, ревет буря. Это как предзнаменование, как проекция на отношения между влюбленными. Точно так же в мрачных тонах описывает Хан-Гирей природу после убийства Тембулата княгиней, когда несчастная женщина решает покончить с собой:

«Прошла ужасная ночь, наступившее утро было бурно, под небом волновались тучи, словно море в бурную погоду, взошло солнце, и кровавое море разлилось на восточном небе». (6; 148) Таким образом, основные события совершаются ночью или поздно вечером, что способствует созданию таинственной, почти мистической атмосферы.

Интересно и описание смены погоды в ночь, когда Канлы вызвал Тембулата на свидание: «Тихий вечер прекрасного дня обещал хорошую погоду и на завтра, осенний ветер не шевелил нагих ветвей деревьев; алое море разливалось на западном небосклоне, и пламенное солнце юга, медленно догорало на закате, и когда опустилось за розовые облака, еще долго струился огненный след его. Но, увы! На земле нет ничего постоянного, кроме человеческого непостоянства, и небо часто подражает его изменениям. Картина великолепная скоро переменялась: черные тучи заволокли небо, и яркие звездочки погасли под их вдовьими чадрами. Густой мрак ночи окутал увядшую землю. Ветер грустно завывал в горах, отправляя в свою очередь тризну по улетевшему лету. Эхо пещер между скалами вторило перекатам грома. Молния иногда рассекала мрак, проводила алмазные струйки, в мгновение исчезала, как обманчивый луч надежды рассеивает мертвящие мысли угнетенного несчастливца и исчезает. ... Бурная погода могла бы утратить и зверей хищных, но – не человеческое коварство». (6; 171) В произведении используются характерные для романтизма средства выразительности: действие развивается стремительно, что достигается глаголами действия, движения; автор для большей красочности описания применяет метафоры, олицетворяет явления природы (например, «ветер завывал» и др.).

В рассказе Хан-Гирея «Наезд Кунчука» также ощутимо присутствие пейзажа в качестве структурообразующего начала повествования. Он тесно связан с переживаниями героев, выражает их чувства и настроения, помогает почувствовать, какие повороты в судьбе им предстоят. Писатель использует пейзаж-предварение – развитую в классической литературе функцию природоописаний. Пейзаж обычно помещается в начале событийного блока произведения и изображается в эмоциональном тоне, отражающем суть будущих событий частной или общественной жизни: спокойные светлые пейзажи предшествуют благополучной развязке событий; картины грозы, непогоды, сгущающегося сумрака свидетельствуют о трагичности развития будущих событий.

Герои же Хан-Гирея, возвращаясь с богатой добычей, оказываются застигнутыми сильными морозами в степи, подвергаются жестоким мукам и почти все гибнут: «На их беду подул пронзительный северо-восточный ветер (некон) с крупными хлопьями снега, вьюга, метель покрыла страшным мраком пустыню». (6; 172)

Уже у Пушкина метель предстает бесовской, враждебной человеку стихией, она водит человека по кругу, не давая ему выбраться на дорогу, запутывает его и губит. Метель связана с жизнью и смертью, и потому может быть стихией благодетельной, вмешивающейся в судьбу не злым, а благим образом («Метель», «Капитанская дочка» Пушкина). Но в любом случае метель — испытание, и она благодетельна для того, кто это

испытание выдерживает, даже если для этого надо пожертвовать жизнью. Именно такой предстает метель в рассказе-предании Хан-Гирея. Адыгская литература не часто обращается к изображению зимы, но когда обращается, делает зиму воплощением трагической жизненной ситуации, губительной для человека. (5;84)

Пейзаж в «Наезде Кунчука» привлекается как средство психологической характеристики. Он нужен для создания той внутренней напряженности души человека, порой соответствующей подобной же напряженности природы. (4; 239) Пейзажные зарисовки в рассказе Хан-Гирея выполняют важную функцию: они готовят читателя к предстоящей сцене. Например, перед нападением Кунчука со своими наездниками на крепость турок автор дает такую пейзажную зарисовку: «Черные тучи висели над Азовом, порой вырывалась из них пламенная молния, небо вспыхивало и снова темнело, дождь накрапывал, гром рокотал глухо». (6; 193) Эта гроза предвещает что-то страшное, трагическое, что должно произойти. Во время разрушения Кунчуком города «...гроза на небе свирепела, гремели грома...». (6; 195) Наблюдается соответствие между состоянием природы и состоянием души героя, для которого главное сейчас – отомстить. И даже раскаты грома не могут смирить его сердце.

Заметно стремление писателя изображать бурную природу, буря для него – символ великих, хотя и часто губительных страстей. Пейзаж здесь навеивает ощущение какой-то тревоги, ожидание каких-то драматических событий. Все это создается динамикой описаний, подбором деталей, суть которых состоит в нагнетании этого скрытого драматизма. Перед гибелью героев «кровавое солнце взошло на горизонте и вскоре скрылось за густым туманом». (6; 197) Опять описание природы предваряет трагическую развязку повести. Пейзаж окрашивается в соответствующие тона и краски не так, как они рисуются самому автору, а как воспринимаются героем, находящимся в совершенно определенном настроении и видящим именно то, что он чувствует в данный момент.

Таким образом, на переднем плане стоит душевное состояние, переданное через образ гармонирующего с ним пейзажа. Главным оказываются не фактические детали, а то настроение, которое этот пейзаж должен сообщить читателю. Описание природы в романтических произведениях играет огромную роль, передавая таинственную, могучую и неукротимую силу природы. Только она может быть адекватна романтическому сознанию. Природа становится отражением бурных страстей героев, отсюда – традиционные для романтизма составляющие изображаемого природного мира: бурные реки, горы, небо и т.п.

Примечания:

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М., 1988.
2. Грифцов Б.А. Психология писателя / Б.А. Грифцов. – М., 1988.
3. Долгов К.М. Эстетика природы / К.М. Долгов. – М., 1994.
4. Соллертинский Е. Пейзаж в прозе Лермонтова / Е. Соллертинский // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1964. – М., 1964. – С.236-275.

5. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов: Опыт теоретической истории: эпос, литература, роман / Ю.М. Тхагазитов. – Нальчик, 1996.
6. Хан-Гирей. Черкесские предания: Избранные произведения / Хан-Гирей. – Нальчик, 1989.
7. Хорват К. Романтические воззрения на природу / К.Хорват // Европейский романтизм. – М., 1973. – С.204-245.